

Анна ЛИТВИНОВА
Фото Сергея ВЕТРОВА

П риглядитесь — походка у них странная: правая рука вытянута вперед, как бы ощупывает пространство... На их лицах не прочтешь страданий — переживания напоказ не выставляют.

Урок рисования в московской школе-интернате № 1 для слепых и слабовидящих детей. Ведет его Ольга Ивановна Егорова. Рисуют на специальной пленке — линия на ней получается осязаемой. Преподавательская завалена ребячьими рисунками и лепными фигурками. Вот эти вполне профессиональны — их автор

Сереза Булаткин теперь учится в Самаркандском университете. Уровень зрения — три сотых. Таня Светлакова не видит вообще, а фигурки, сделанные ею из бумаги, великолепны! Свободная, летящая линия в работах Саши Алферова...

Четвероклассники по осязаемому рисунку пособия по тифлографии (так называется учебник рисования — пять толстенных томов большого формата) лепят птиц, ящериц и собак.

— Они рисуют лучше зрячих, — говорит Егорова.

Она водила нескольких ребят в детские художественные школы. Там обучение и кончалось. В высшие художественные училища незрячих не берут...

Кружок баяна и аккордеона. Руко-

водитель Рудольф Григорьевич Маныкин:

— Много ленитесь, друзья!

Может, потому, что делать музыкальные уроки негде: пустой кабинет найти непросто, в спальне тоже особо не разыграешься — соседи ворчат. Хорошие инструменты — редкость. То школа выделяет деньги на их покупку, а магазины пусты, то, наоборот, есть инструменты, но нет денег. Многие выпускники все-таки поступают в Курское музыкальное училище для слепых и слабовидящих.

А если особых талантов нет? В школе учат слесарному, столярному делу, электросборке. Около половины выпускников становятся рабочими, трудятся на предприятиях Всероссийского общества слепых.

Александр Николаевич Рыбачук, учитель труда:

— Трудно с ними. И прикрикнуть нельзя: очень ранимые ребята. Молчу, жду, когда наконец выйдет что-нибудь...

Из интервью с ребятами:

ПРО

— Боюсь мира зрячих, я не приспособлена к нему.

— Может, хоть к выпускному классу научусь сама домой ездить...

Ребята так тянутся к видящим... Меня просили рассказать, какого цвета сейчас небо и листья на деревьях, и почитать вслух книгу Марины Влади о Высоцком.

Наташа, ученица 11-го класса.

— Я верю в вас, зрячих; в хорошее, доброе... Без веры человек скорее отчаится.

Наташе нужна вера. Ее мечта — поступить в Литературный институт.

Синяки и шишки в этой школе встречаются чаще, чем в обыкновенной. Ребенок есть ребенок — промчаться с бешеной скоростью по коридору ему тоже хочется. Чаще у ребят болит живот — ведь во все суют не только любопытный нос, но и руки — неизвестный предмет познают на ощупь. Еще постоянные насморки — дети слабенькие. Еще — психиатрическое лечение...

А врач один, хотя полагается три, причем Галина Прокофьевна Том-

ская — психиатр, а нужны и другие специалисты. Ей помогают две медсестры. А их должно быть пять. На ночь с детьми остаются только няни — медика нет.

Причина? Маленькая зарплата. Учителям платят двадцатипятипроцентную надбавку, а врачам этого не положено — ведь уроков они не ведут!

В обычных школах классы под буквой «Б» мало чем отличаются от классов «А». Здесь «Б» классы вспомогательные. В них не преподают физику, иностранный язык и другие «взрослые» предметы, и в каждом классе должно быть не больше шестидесяти человек. Здесь учатся олигофрены, ребята с личностными изменениями, задержками в умственном развитии, психическим инфантилизмом.

Урок русского в 8-м «Б». Составляют предложения с глаголами.

— Саша придумает со словом «кипеть».

Молчание.

— Ну, Саша!

СТРАНСТВО НА ОЩУПЬ

141. И занимаются в них почти 25 тысяч слепых и слабовидящих детей. Зная общий уровень современной школы, думаю, не ошибусь, если скажу: многие из этих тысяч мальчишек и девчонок нуждаются в помощи. Они — наша общая боль. Пусть не только Всероссийское общество слепых (у которого, кстати, у самого немало проблем — о них писала «Смена») и не только учителя-подвижники будут озабочены будущей судьбой этих ребят. Им жить вместе с нами, рядом с нами в XXI веке. Товарищи из фонда «Милосердие», товарищ Детский фонд — помогите им!

Вглядитесь в эти фотографии. И помните — они сделаны в московской школе номер один, одной из самых благополучных...

По пятницам за ребятами приезжают из дома. Самый распространенный родительский вопрос: «Как кормят?» (В день школьнику полагается еды на один рубль тридцать одну копейку.)

В пятницу интернат пустеет. Остаются сироты (их четверо) и иногородние (их по несколько человек в каждом классе).

Кто-то сколачивает компанию для похода в близлежащую кулинарию за вкусными булочками. Кто-то завладел пианино в актовом зале и наигрывает «Белые розы». А подалее от шума одиноко стоит девочка, прижавшись лбом к оконному стеклу. О чем она думает? Вспоминает о времени, когда видела все вокруг? Мечтает о принце? Боится взрослой жизни? Или сочиняет стихи?

Что нужно для счастья?

Не очень-то много:

Дождями промытый знакомый вокзал.

И чтобы в твой город однажды дорогу

мне кто-нибудь добрый, смеясь, показал.*

Покажите им дорогу...

— Можно... я еще подумаю...

— Юра, а ты? С глаголом «бежать»?

Юра слабо улыбается и качает головой из стороны в сторону. И улыбка, и покачивание — это у него постоянно.

Молчание.

— Ну, кто бегаёт?

Юрина гримаса абсолютно беспомощна.

— Ну же, родной!..

Наконец он нерешительно выговаривает:

— Спортсмен...

И, подумав еще с минуту:

— Спортсмен бежит по беговой дорожке.

Тут и Саша уже тянет руку — сообразил!

— В кастрюле кипит вода!

А после урока учитель русского и литературы Руфина Алексеевна Вершинина устало вздыхает: «Этот класс еще благополучный».

...Сколько школ, подобных этой, в стране? В Госкомитете по образованию мне назвали точную цифру —

* Стихи Наташи Ильиной, ученицы 11-го класса.